

Aleksandra Szymańska

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
90-226 Łódź
ul. Pomorska 171/173

Интерпретации образа Дон Кихота в русской поэзии 1960–1980-х годов

Вечные образы (сверхтипы, метатипы, новые мифы) – это художественные образы, которые, появляясь в конкретные исторические эпохи, остаются затем в культурной памяти человечества, благодаря своей способности к бесконечным трансформациям в перспективе их темпорально-пространственного воплощения и осмысления при одновременной способности сохранять определенную смысловую устойчивость – «ядро», в котором сконцентрированы сущностные антропологические и онтологические характеристики¹. Кроме содержательной емкости и способности преодолевать границы эпох, можно выделить еще другие свойства вечных образов, такие как: поливалентность, которая позволяет им, при сохранении своей идентичности, соединяться с другими системами образов и функционировать в различных сюжетах, неисчерпаемость смыслов, общепонятность, высокая духовная ценность, а также переводимость на языки других искусств².

Как заметил в свое время Иван Гончаров, задача писателей состоит в возрождении в своих творениях, «облекая их в новую плоть и кровь в духе своего времени», именно вечных типов, закрепляющих основные черты нравов и людской натуры³.

¹ *Русская идеология*. Информационно-аналитический портал, [Электронный ресурс] http://russidea.rchgi.spb.ru/ideasinrussia/universalcults/index.php?ELEMENT_ID=3841 [03.06.2014].

² Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, *Вечные образы: тезаурусные константы мировой культуры*, [в:] *Тезаурусный анализ мировой культуры. Сборник научных трудов*, под ред. Вл. А. Лукова, Москва 2005, [Электронный ресурс] <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/collections/TAMK2/> [03.06.2014].

³ И. А. Гончаров, *Собрание сочинений: в 8-и тт.*, Москва 1995, т. 8, с. 11.

В качестве вечных образов могут выступать образы-вещи, образы-символы, образы хронотопа, но основными остаются образы-персонажи. Наиболее масштабными и универсальными среди многочисленных вечных образов оказываются те, что были рождены в переломную эпоху формирования культуры Нового времени. К ним, в первую очередь, относятся образы Гамлета, Дон Кихота, Дон Жуана, Фауста и Кармен.

Притягательность мировых образов, как справедливо отметил Всеволод Багно, состоит в том, что в них заложено «некое неразрешимое противоречие»⁴, что сквозь призму этих вечных образов мы можем приблизиться к разгадке тайны человеческого предназначения, так как каждый из перечисленных мировых образов затрагивает «некие тайные пружины», скрытые в человеке импульсы, страсти и влечения⁵.

Сила названных образов, состоит и в том, что они, пересекая границы породивших их культур, образуют новое сообщение и нарастание текстовых смыслов⁶.

В данной статье мы проследим процесс освоения и осмысления современными русскими поэтами одного из вечных образов испанского происхождения – Дон Кихота. Наличие в Дон Кихоте архетипического – вопрос служения добру, поиска Абсолюта, отказа от жизненного благополучия во имя справедливости, самопожертвование, духовное самосовершенствование человека и др. – вывело его за рамки художественного произведения и превратило в философскую категорию, общечеловеческий символ вечного стремления к истине, справедливости, в символ безграничной веры и жертвенности. Итак, русские поэты, прибегающие к образу ламанчского рыцаря, следуют не столько роману Сервантеса, сколько мифу о Дон Кихоте. Кихотизм существует как модель поведения, философия и принцип жизни для человека в условиях культурных противоречий⁷.

С момента появления в России в 1769 году первого перевода романа Мигеля де Сервантеса Сааведера *Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский* (*Hingenioso Hidalgo Don Quijote de la Mancha*, 1605), сделанного с французского издания Игнатием Тейльсом⁸, образ Дон Кихота подвергался самым различными, а иногда противоречивым, интерпретациям.

Судьба восприятия и преобразования истории о Рыцаре Печального Образа русскими художниками разработана, главным образом, в фундаментальных

⁴ В. Е. Багно, «Коэффициент узнавания» мировых литературных образов, [в:] *Труды Отдела древнерусской литературы*, Санкт-Петербург 1997, с. 235.

⁵ Там же, с. 236, 237.

⁶ См. об этом: Ю. М. Лотман, *Статьи по семиотике и типологии культуры*, Таллин 1992.

⁷ Л. М. Бурмистрова, *Русская судьба ламанчского рыцаря*, [в:] *Дон Кихот в России: он въезжает из другого века...*, сост., автор вступ. ст. и примеч. Л. М. Бурмистрова, Москва 2013, [Электронный ресурс] <http://www.libfl.ru/about/dept/bibliography/books/Don-Kihot-Predislovie.pdf> [08.08.2014].

⁸ Там же.

монографиях Юрия Айхенвальда *Дон Кихот на русской почве* (1982), Всеволода Багно *Дорогами «Дон Кихота»: Судьба романа Сервантеса* (1988) и *«Дон Кихот» в России и русское донкихотство* (2009), а также Натальи Арсентьевой *Русско-испанские литературные связи: проблемы преемственности, типологии, рецепции* (1994).

Каждое новое поколение поэтов ищет среди знаковых фигур духовные авторитеты и созвучные их мировосприятию идеи. Рыцарь Печального Образа, воплощающий наивысшие интенции культурного сознания, культивирующий высочайшие ценности, становится особо актуальным в начале XX века, т. е. в период «социальной» ломки⁹. Как замечает Евгения Дружинина, активизация архетипа Дон Кихота в XX веке происходит потому, что «культура нуждается в донкихотстве»¹⁰. Ламанчский рыцарь как личность, сталкивающаяся с непониманием, с неверием, с пошлостью, близок творческой интеллигенции, разочаровавшейся в революции¹¹. Итак, в 1920–1930-е годы донкихотство приобрело новый смысл как достойная гражданская позиция.

Сюжет о Рыцаре Печального Образа, по мнению Татьяны Артамоновой, автора диссертации, посвященной рецепции сюжета о Дон Кихоте в русской литературе 1920 и 1930-х годов, был востребован художественным сознанием того времени, которое пыталось осмыслить способности человека изменить мир силой высокой внутренней одержимости¹². Как замечает Артамонова, проблемность романа Сервантеса откликнулась «на особую жизненную ситуацию, заключающуюся в расхождении реального образа мира с идеальным – мечтаемым „золотым веком”»¹³.

Очередная волна повышенного интереса к образу, созданному фантазией Сервантеса, пришлась на 1960–1980-е годы. К общеизвестному образу в своих стихотворениях обращаются: Юлия Друнина (*Кто говорит, что умер Дон Кихот?*, 1960), Иосиф Бродский (из поэмы-мистерии *Шествие*, 1961), Александр Кушнер (*Дон Кихот*, 1963), Юрий Иваск (*Дон-Кихот*, 1964), Всеволод Рождественский (*Дон-Кихот*, 1965), Роберт Рождественский (*Дон-Кихот*, 1968), Павел Антокольский (*Дон Кихот*, 1969), Борис Чичибабин (*Из сонетов любимой*, 1972), Маргарита Алигер (*Ветряные мельницы*,

⁹ См. об этом: Е. С. Дружинина, *Архетип Дон Кихота как структурообразующее начало поведенческой модели прогрессивной интеллигенции*, «Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского». Серия, «Философия. Культурология. Политология. Социология», т. 24 (65), 2012, № 4, с. 170–171, [Электронный ресурс] http://sn-philcultpolsoc.crimea.edu/arhiv/2012/uch_24_4filosof/020_druz.pdf [05.08.2014].

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Т. Г. Артамонова, *Рецепция сюжета о Дон Кихоте в русской литературе 1920–1930-х годов, Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. канд. филолог. наук*, Екатеринбург 2006, [Электронный ресурс] <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/940/1/urgu0422s.pdf> [18.08.2014].

¹³ Там же.

1974–1980, из цикла *Печальная Испания*), Евгений Долматовский (*Роман о Дон-Кихоте*, 1980), Юрий Левитанский (*Задумал силой меряться*, 1981), Яков Козловский (*Рыцарь Печального Образа*, 1983), Давид Самойлов (*Дон Кихот*, 1985, из цикла *Беатриче*), Зиновий Вальшонок (*Учу испанский, Исповедь Мигеля Сервантеса, Баллада о храбром рыцаре, Элегия об усталом идальго, Эволюция Дон Кихота*, из цикла *От сиесты до фиесты*, 1988).

На основании перечисленного ряда стихотворений постараемся проследить превращение чужого в «свое-чужое» за счет дополнения знаковой фигуры Дон Кихота опытом эпохи, поколения, нации и национальной традиции, а также обозначить степень удаленности вечного образа от своего первоисточника при включении его в инациональный историко-культурный и общественно-политический контекст. Анализ избранных стихотворений позволит нам определить основные тенденции освоения образа современными поэтами, а также углубить представление об идейно-эстетических поисках в искусстве 60–80-х годов XX столетия.

Количество стихотворений, опирающихся на образ Дон Кихота, является показателем повышенного интереса писателей 1960–1980-х годов к этой знаковой фигуре и заодно намекает на возможное разнообразие трактовки вечного образа. Исходя из перечисленных стихотворений, постараемся, в первую очередь, определить доминантные черты Дон Кихота в восприятии русских поэтов того времени.

Ряд поэтов подчеркивает рыцарское начало в поведении Дон Кихота. Итак, Друнина убедительно восклицает, что «рыцари остались на земле!». Тоской о «рыцарских доспехах» преисполнено стихотворение Кушнера. *Дон-Кихот* Роберта Рождественского – это стихотворение-тревога, призыв к рыцарям заступиться за добро, обратиться к тем ценностям, которые олицетворял Рыцарь Печального Образа и которые в эпоху госплана заглушил «шелест заводских шин»:

Шелест
 заводских шин
 мифы заглушил в миг!
 Надобно
 ценить жизнь!
 Надобно
 понять мир! [...]
 Если на земле
 зло,
 рыцари
 нужны всем!¹⁴

¹⁴ Р. Рождественский, *Дон-Кихот*, [в:] *Испанские мотивы в русской поэзии XX века*, сост. и автор вступ. ст. Т. В. Балашова, Москва 2011, с. 376.

В стихотворении звучит тоска по нравственному идеалу, который вытесняют экономические планы социализма, достижения техники, планирование, коммунистическое строительство.

Козловский, в свою очередь, рыцарство Дон Кихота выносит в заглавие (*Рыцарь Печального Образа*), указывая тем самым на доминанту поведения героя.

В других характеристиках замечается продолжение идущей от XIX века традиции изображения Дон Кихота в двух основных ипостасях – комичного чудака и рыцаря идеи. Следует отметить, что в восприятии большинства современных поэтов эти два представления не противоречат друг другу, а дополняют одно другое. Дон Кихот предстает как «благородный чудаки» (Друнина), «печальный парень, рыцарь, доброхот» (Бродский), прекрасный безумец (Кушнер), чудаки, которому назначена высокая роль (Антокольский), «жалок и нежен», «смешон и прекрасен» (Чичибабин), «гидальго бедный», у которого «болит душа» (Левитанский), «мудрый безумец» (Вальшонок), «смешной старик, худой, седоволосый», чья мечта по идеалу неподвластна времени (Самойлов)¹⁵.

Среди анализируемых нами стихотворений интересны примеры эволюции образа Дон Кихота в рамках творчества одного и того же поэта. Оценка образа пересматривается на протяжении нескольких лет в трех стихотворениях Павла Антокольского, имеющих одно и то же заглавие *Дон Кихот*. В первом из них, написанном в 1920 году, Дон Кихот предстает как «старая карикатура». Семью годами позже акценты уже немножко меняются. Выдвигается одна из положительных черт образа, а именно его мужество. В последнем стихотворении 1969 года звучит уже прославление жизненной позиции Дон Кихота: «Да здравствует вне категорий / Высокая роль чудака!»¹⁶.

В плане эволюции образа показателен тоже цикл *От сиесты до фиесты* Вальшонка. В рамках одного цикла автором даются разные толкования знаковой фигуры. В стихотворении *Исповедь Мигеля Сервантеса* «идальго с изможденным жертвенным лицом» превращается в мифологему:

Странная мистическая сила
превратила образ мой в секрет:
затерялась в вечности могила,
неизвестен точный мой портрет¹⁷.

Уже в следующем стихотворении цикла – *Баллада о храбром рыцаре* – образ мечтательного, достойного, верующего в добро рыцаря дополняется

¹⁵ Все цитаты приводятся по книге *Испанские мотивы в русской поэзии XX века*, сост. и автор вступ. ст. Т. В. Балашова.

¹⁶ П. Антокольский, *Дон Кихот*, [в:] там же, с. 205.

¹⁷ З. Вальшонок, *Исповедь Мигеля Сервантеса*, [в:] там же, с. 452.

его наивностью и противопоставляется образу трезвого и рассудочного Санчо Пансы. В *Элегии об усталом идальго* появляется образ разочаровавшегося в прежних идеалах Дона из Ламанчи:

Избавился от ложных пут
борьбы и славы,
поняв, что Санчо – старый плут
и лстец лукавый.
И придорожный ориентир –
не замок строгий,
а лишь заплыванный трактир,
притон убогий.
О, призрак Дульсинеи, сгинь!
Любовь – лишь сделка.
Она совсем не из богинь, –
простая девка¹⁸.

Разочарование, печаль и скепсис приводят Дон Кихота к неожиданной эволюции. Находя свой идеал в любой женщине, Дон Кихот превращается в Дон Жуана:

Идальго! В опрометчивом пути,
где Дульсинея каждая желанна,
несложно эволюцию пройти
от Дон Кихота и до Дон Жуана¹⁹.

Цикл Вальшонка позволяет заметить такие особенности постмодернистской литературы, как колебание между мифом и пародией и скепτικο-ироническую позицию автора по отношению к вечному образу, который подвергается деконструкции.

Довольно распространенным приемом в стихотворениях 1960–1980-х годов, трактующих миф о Дон Кихоте, является отождествление лирического «я», будь-то поэта, будь-то другого героя, с Дон Кихотом. Следует подчеркнуть, что русские поэты, как отметила Юлия Оболенская, не только применяют роль Дон Кихота на себя самих или своих героев, а пытаются убедить читателей в присутствии им донкихотстве²⁰.

Итак, Юлия Друнина посвящает стихотворение *Кто говорит, что умер Дон Кихот?*... своему мужу – кинодраматургу Алексею Каплеру, чье обостренное чувство долга, справедливости и рыцарства, отсутствие страха перед злом граничило с донкихотством.

¹⁸ З. Вальшонок, *Элегия об усталом идальго*, [в:] там же, с. 454.

¹⁹ З. Вальшонок, *Эволюция Дон Кихота*, [в:] там же, с. 455.

²⁰ Ю. Л. Оболенская, *Среди книг Ю. Л. Оболенской. Испанские силуэты и краски в русском поэтическом образе XX столетия*, «Иностранная литература» 2012, № 12, [Электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru/inostran/2012/6/o11-pr.html> [08.08.2014].

Донкихотское начало в представителях своего поколения обнаруживает также Иосиф Бродский, который иронично констатирует:

[...] Да, все мы таковы,
страдальцы торопливые, увы,
ведь мужество смешно, забавен страх,
легко теперь остаться в дураках²¹.

В стихотворении Юрия Иваска звучит призыв хранить в мире, в котором «все позволено», донкихотскую верность «Богу, даме, другу и коню». В свою очередь, лирический герой Бориса Чичибабина гордится тем, что он «смешон», так как в его понимании донкихотское смешное равняется прекрасному.

Мысль Чичибабина о возможности соединения смешного и прекрасного в Дон Кихоте не нова. Напомним, что Достоевский, работая над своим романом *Идиот*, отметил, что Дон Кихот «прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон»²².

Юрий Левитанский ощущает свое родство с Дон Кихотом в потребности сражаться, даже если другим эта борьба кажется бесполезной.

Очередная проблема, вызывающая интерес русских поэтов в связи с образом Дон Кихота, это соотношение Рыцаря Печального Образа и Санчо Пансы. В их освещении Санчо Панса изображается как антипод своего господина. Его характеристика держится в основном на оппозиции рассудочности оруженосца и мечтательности его господина. Однако следует отметить, что здравый смысл Санчо Пансы, его рассудительность, житейская смекалка, забота о материальной выгоде не подрывают его авторитета. В большинстве стихотворений Санчо Панса появляется как верный слуга Дон Кихота, который проявляет себя честным и мудрым.

Мудрецом называет его сам Дон Кихот в поэме *Шествие* Иосифа Бродского. Знаменательно и то, что Дон Кихоту пора уходить из жизни, а миссия Санчо Пансы еще не кончается: «Отныне одному из нас конец! / Прощай, прощай, о Санчо, мой мудрец [...]»²³, – обращается к своему слуге Дон Кихот.

Стихотворение Всеволода Рождественского приобрело форму обращения скромного Дон Кихота к Санчо Пансе. Рыцарь Печального Образа убежден в том, что они вместе с «добрым» Санчо станут «достоянием» человечества, «обошедшим целый мир преданием».

Верность и преданность перенесенного в другой хронотоп Санчо Пансы своему господину отмечает Евгений Долматовский. Бывший оруженосец поддерживает Дон Кихотов XX столетия в борьбе против фашистской орды генерала Франко в Испании.

²¹ И. Бродский, *Шествие*, [в:] *Испанские...*, с. 345.

²² Письмо С. А. Ивановой от 1 (13) января 1868, [Электронный ресурс] www.books.google.pl/books?isbn=5998955315 [08.08.2014].

²³ И. Бродский, *Шествие*, [в:] *Испанские...*, с. 345.

Давид Самойлов подчеркивает две разные жизненные установки Дон Кихота и Санчо Пансы, обращая внимание на неразрешимость спора, заданного героями: «Но с Санчо Пансой воевать не будешь. / Да и ему с тобой сразиться не дано»²⁴.

В поэме Зиновия Вальшонка Санчо Панса, как и его господин, претерпевает эволюцию. В стихотворении *Учу испанский* поэт прославляет «здравый ум» Санчо Пансы, которому учился у него испанский народ. В *Балладе о храбром рыцаре* слуга является «резвым», «лукавым», «рассудочным» и «милым». Его резвый взгляд на мир противопоставляется утопическому мирозерцанию его господина. В *Элегии об усталом идальго* поэт разоблачает Санчо Пансу. Уставший от борьбы с мельницами Дон Кихот прозревает. Он видит Санчо Пансу как «плута» и «льстеца лукавого».

Негативной оценке поведение Санчо Пансы подвергается также в стихотворении Юлии Друниной. Поэтесса противопоставляет жертвенность Дон Кихота («Он носит раны, словно ордена!») равнодушию Санчо Пансы и его трезвому взгляду на жизнь:

И знает он [Санчо Панса – А. Ш.], что испокон веков
На благородстве ловят чудаков,
Что прежде, чем кого-нибудь спасешь,
Разбойничий получишь в спину нож...
К тому ж спокойней дома, чем в седле...²⁵.

В ряду стихотворений 1960–1980 гг., относящихся к Дон Кихоту, следовало бы отметить два, в которых образ ламанчского рыцаря послужил поводом к рассуждениям поэтов об историческом прошлом Испании.

Героическую борьбу с фашистской ордой генерала Франко вспоминают Маргарита Алигер и Евгений Долматовский – два поэта, которые активно включались в поддержку испанских республиканцев. Сочиненное ими, а также Константином Симоновым и Михаилом Матусовским стихотворное послание «героическому испанскому народу» получило широкий резонанс в Советском Союзе.

В стихотворении *Ветряные мельницы* Маргариты Алигер появляется лишь призрак Дон Кихота. На него похож кипарис – с античных времен дерево-символ печали, смерти и похорон, который пробуждает память лирического «я» о мужественных подвигах рыцаря, боровшегося с ветряными мельницами. Соотнесенность борьбы Дон Кихота с мельницами с событиями гражданской войны в Испании строится на тонких намеках:

[...] И бегут оливковые рощи
через знаменитые хребты.

²⁴ Д. Самойлов, *Дон Кихот* (из цикла *Беатриче*), [в:] там же, с. 285.

²⁵ Ю. Друнина, *Кто говорит, что умер Дон Кихот?*, [в:] там же, с. 339.

И с разбегу отступают к югу.
Все ровней дорога на Мадрид.
Мчится человечество по кругу,
ветряные мельницы громит²⁶.

В свою очередь, Долматовский сразу переносит читателя в извешное историческое время, перечисляя имена рыцарей двадцатого столетия, представляющих его поколение. Среди них – деятель культуры Матэ Залка, который принял сторону республиканцев и активно их поддерживал, участвуя в военных событиях, писатель Эрнст Хэмингуэй, находившийся в осажденном фашистами Мадриде или чилийский писатель Пабло Неруда, ставший очевидцем кровавых событий, впечатления от которых послужили источником книги стихов *Испания в сердце*. Дон-Кихотами двадцатого века поэт называет тоже «всех отчаянных и добрых Дон-Кихотв»-танкистов и пилотов. Стихотворение заканчивается клятвой поколения на верность рыцарским идеалам.

Произведения Алигер и Долматовского не единственные среди перечисленных нами, в которых наблюдается попытка соотнести легенду о благородном рыцаре с современными событиями.

Интересно отметить, что в ряду этих стихотворений временное рассматривается в рамках вечного, что придает поэтическим высказываниям универсальный характер. Явления и события современного поэтам мира освещаются, чаще всего, на фоне вечного вопроса о существовании Добра и Зла.

Неуязвимость зла в мире замечает Иосиф Бродский. Александр Кушнер призывает Дон Кихота на помощь поколению, которое устало от зла. В Дон Кихоте нуждается лирический герой Юрия Иваска, так как в наблюдаемом им мире воцарилось зло, которое приводит людей к своеволию.

Всеволод Рождественский живет в мире «разбойников», «деспотов», «насилия» и «обмана». Такому миру нужен второй приход на землю Дон Кихота, ассоциируемого с Христом. Последние фразы стихотворения напоминают евангельскую заповедь апокалипсиса – «Пусть гиены воют, злятся кобры, – / Сгинет нечисть, новый день придет!»²⁷.

Зиновий Вальшонок в мире, в котором «торжествует хам и плут», в котором воцарилась злоба, ощущает потребность не только в Дон Кихоте, но и в Санчо Пансе.

Нетрудно заметить, что разработка образа Дон Кихота в русской поэзии происходит на грани общечеловеческого и национального. Ибо Дон Кихот выражает общечеловеческое – гуманизм, способность оставаться человеком в бесчеловечной ситуации, служить благородным идеалам, быть рыцарем независимо от сложившихся обстоятельств – при любом национальном варианте. Одновременно, благодаря своей универсальности, Дон Кихот способен

²⁶ М. Алигер, *Ветряные мельницы*, [в:] там же, с. 301.

²⁷ В. Рождественский, *Дон-Кихот*, [в:] там же, с. 366.

быть мифологемой, вполне созвучной меняющимся контекстам века. Дон Кихот способен превратиться в национальную идею, понимаемую как модель поведения, как философия и принцип жизни для человека в определенных исторических и культурных условиях. Идею, которая в опоре на глубинные базовые архетипы, коренящиеся в устойчивых образах, ведет к культурной самоидентификации.

Aleksandra Szymańska

The Interpretations of Don Quixote in the Russian Poetry of 1960s–1970s

(Summary)

The aim of the article is to interpret poems concerning Don Quixote written by contemporary Russian poets, like Iosif Brodsky, Alexander Kushner, Vsevolod Rozhdstvensky, Robert Rozhdstvensky, David Samoilov and many others, with the view to showing how the Spanish literary figure transforms in the receiving culture into an (indigenized) philosophical category.

The author sets out to identify the main semantic constants of the Russian Don Quixote, to show an evolution of the hero in the oeuvre of particular poets (Pavel Antokolsky and Zinovy Valshonok) and to indicate the relationship between the image of Don Quixote and the lyrical subject. She also examines the relationship between Don Quixote and Sancho Panza and, finally, explains political connotations of the figure of Don Quixote in the poems by Margarita Aliger and Yevgeny Dolmatovsky.

Keywords: Don Quixote, Sancho Panza, modern Russian poetry, New Age myth.